

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Наши монастыри
Очерки и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Наши монастыри: Очерки и рассказы / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 586 с.

ISBN 978-5-519-99081-3

Содержание: Соловки; Женская обитель; Святые горы; Валаам

ISBN 978-5-519-99081-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Соловецкое подворье.

Наступалъ іюль мѣсяцъ. Море въ этотъ періодъ было особенно тихо и покойно. Намъ пророчили самую благополучную поѣздку въ Соловки. Судя по рассказамъ, въ іюлѣ не бываетъ ни качекъ, ни бурь. Бѣлое море гладко, какъ зеркало. Правду говоря, мы сами рвались изъ Архангельска, потому что скучнѣе этого города трудно себѣ представить что-нибудь. Отсутствіе общихъ интересовъ весьма печально отзывается во всемъ. Мы приглядѣлись здѣсь ко всему. Капризная погода, переходившая отъ лѣтняго зноя къ осеннему холоду, бѣлесоватая, безъ тьмы и безъ свѣта, ночи, сѣверный вѣтеръ, дувшій по три недѣли заразъ безъ устали, столь же продолжительные дожди—все это надоѣло намъ до крайности.

— Покупайте себѣ шубы!

— Какъ шубы? Въ іюлѣ-то мѣсяцѣ?

— Ладно. Что съ того? У насъ все не какъ у людей. Шарфами запаситесь!

— Это для чего же?

— Ночью на морѣ страшные холода стоятъ. Невыносимо. Вѣдь не захотите же въ каютѣ постоянно сидѣть?

— Еще бы. Однако, шубъ не купимъ.

— Провизіи возьмите съ собой, до Соловокъ!

— Да развѣ тамъ купить нечего?

— Разумѣется. Хотите—идите ѣсть на трапезу, только предупреждаю, что монастырская пища—тяжела до крайности. Нужны для нея привычные желудки!

Пошли мы закупать провизію и подивились. Дороговизна ужаснѣйшая. Дешева оказалась только рыба.

— Совѣтую прихватить лимоновъ и прочаго. На случай качки.

— Да вѣдь вы же говорите, что качки не бываетъ здѣсь въ іюлѣ.

— Такъ-то такъ—да неровенъ часъ!

Короче, мы сдѣлали запасовъ на цѣлый мѣсяцъ.

Прежде посѣщенія монастыря, мы хотѣли ознакомиться съ его подворьями. Такихъ въ Архангельскѣ два; одно, большое, находится на набережной р. Двины, у самаго Гостиннаго двора. Оно выстроено въ два корпуса, двумя этажами на улицу и тремя во дворъ. Повсюду тутъ видѣнъ хозяйскій расчетъ. Нижній этажъ занятъ лавками и кладовыми, которыхъ до 100. Въ нихъ сложены—грузы желѣза, керосина и пр. предметы. Каждая лавка сдается по найму на годъ отъ 50 и до 100 рублей. Въ концѣ зданія—въ томъ же нижнемъ этажѣ помѣщается и часовня Соловецкаго монастыря, весьма не представительная, но доставляющая обители кружечнаго сбора ежегодно болѣе 3,000 рублей. При нашемъ входѣ, передъ нами поднялся высокій, худощавый монахъ, на попеченіе котораго нозложена исключительно часовня. Это истощенное, блѣдное, аскетическое лицо поразило насъ своимъ контрастомъ съ только что оставленнымъ шумнымъ потокомъ жизни люднаго рынка. Тамъ все говорило о настоящемъ днѣ, здѣсь все обнаруживало исканіе града грядущаго и отрицаніе града, здѣ пребывающаго. Отъ этихъ старинныхъ сумрачныхъ иконъ, отъ этой тяжелой сводчатой комнаты вѣяло невыносимою, тоскливою борьбою живой человѣческой души со всѣми ея земными радостями и привязанностями; лица образовъ сурово смотрѣли изъ-за золоченыхъ рамъ своихъ, и только кроткій, улыбающійся ликъ Богоматери, съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ, навѣвалъ чудное спокойствіе на вѣрующее сердце. А во взглядѣ этого ребенка и теперь уже свѣтился тихій, ласковый, умиляющій призывъ: «прійдите сюда, вси туж-

дающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы». Низко склонились всключенныя головы крестьянъ-богомольцевъ. Гдѣ-то въ углу отъ сознанія яснаго счастья рыдала старуха, прошедшая тысяча верстъ, въ чаяніи помолиться надъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. У самыхъ дверей часовни двѣ сгорбленныя нищенки протягивали къ намъ закорузлыя, тощія руки. И для этихъ нѣтъ—здѣ пребывающаго града, и эти вѣрують — въ Іерусалимъ грядущій!.. И отрадная вѣра спасетъ ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія.

О ты—горній, грядущій Іерусалимъ! Не одно изстрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою вѣрою въ твое пришествіе. Не одинъ грустный взглядъ измученнаго устремляется въ сипюю, бездонную высь, слѣдить за серебристо-бѣлыми ея облаками, словно испытую, гдѣ сверкають стѣны этого града, гдѣ сіяють купола его, гдѣ зыблются и шепчуть, зеленѣють и цвѣтуть благоуханныя сады Эдема...

Намъ, кого жизнь придавила своєю тяжелою пятою, намъ, оставляющимъ капли лучшей крови своей на каждомъ камнѣ мостовой, намъ, чье ложе было не разъ измочено слезами, чьи рыданія слышала равнодушная, темная ночь, намъ разбитымъ, намъ раздавленнымъ, намъ униженнымъ — ты ярко сіяешь въ лазурной высотѣ надписью, начертанною Божественнымъ Спасителемъ на вратахъ твоихъ:

«Прійдите сюда вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!»

Мы вошли во дворъ подворья. Весь второй этажъ четырехугольника занятъ квартирами, отдающимися въ наемъ отъ 200 р. въ годъ и выше. Какъ намъ говорили — это однѣ изъ лучшихъ квартиръ въ городѣ. Высокія, большія комнаты, свѣтлыя окна, чистые входы — хоть бы и въ столицу. На дворѣ разбрелись богомольцы самыхъ разнообразныхъ типовъ. Вотъ высокій, угловатый вятчанинъ-хлѣбопашецъ, вотъ прицмокивающій красивый шенкурецъ, тутъ цѣлая толпа пермяковъ, а тамъ олончане, словно

чему-то удивляющіеся, чего-то непонимающіе. Между ними сновали бабы, растерянные, суетливыя.

А вотъ среди общаго движенія—равнодушный ко всему, съ трубочкой въ зубахъ, отставной ундеръ. Шинель его въ лохмотьяхъ, одна нога въ лаптѣ, другая въ какихъ-то опоркахъ, на головѣ вмѣсто шапки какая-то невообразимая кошка, но взглянитесь въ это спокойное лицо, и вы поймете, какъ мало смущаютъ его тревоженія и бѣдствія его жизни. Была бы засыпка табаку, краюха хлѣба въ сумѣ, — а тамъ хоть трава не расти. Двѣ, три медали болтаются на груди его, въ рукахъ костыль, а рядомъ съ нимъ ребятишко, маленькій, курносенькій, быстроглазый.

— Сынъ, что ли?—спросили мы его.

— Какое! Такъ... На дорогѣ его поймалъ—безъ роду, безъ племени.— И онъ погладилъ его шаршавую голову жесткою, крупною рукою...— При мнѣ и кормится...

Вотъ гдѣ-то запричитала баба. Толпа кидается къ ней.

— Что съ тобою, бабушка?

— Маточки... отцы родные... охъ, бѣда пришла... Что я подѣлаю, горегорькая сиротинушка...

— Да что тебѣ?

— На базарѣ должно быть платъ потеряла.

— Дорогой платъ-отъ, что-ли?

— Дорогой, кормилецъ, дорогой. Три свѣтлущечки дала за него. Шестьдесятъ копѣекъ... Охъ, голубчики!

— Ну, полно выть, — выдвигается одинъ воложканинъ.—Что платъ-отъ? Новый купишь и шабашъ!

— Да въ емъ, отецъ, въ платъ-отъ деньги мои кровныя... Ахъ, родимые, пятьдесятъ пѣлковичковъ, да билетъ. Голубчики вы мои... Легше бы скрозь землю...

Толпа молчитъ. Лица бородатыхъ слушателей смущены... Каждому близко къ сердцу такое несчастье.

— Свои деньги, что-ль?

— Два десятка своихъ, а остатошныя посбиала на Соловецкихъ угодничковъ. Какъ они теперь... Соловецкіе угоднички? Не по-ми-лу-ють... Голубчики, отцы-ы ро-одные!..

— А ты не горюй, — вступается монахъ, — ты не горюй. Вѣра твоя спасетъ тебя... Усердія одново довольно!

— Да, какже я до угодничковъ доберусь то, корми-илецъ?

— На пароходѣ даромъ свеземъ.

— Родной ты мой... А билетъ-отъ?

— Какъ-нибудь... Не горюй... Поди въ часовню — помолись, какъ рукой сниметъ!

— Сниметъ?

— Сниметъ, какъ не снять, — загалдѣла толпа. — Ступай, матка, въ часовню... Сниметъ разомъ!

И старуха, плача, поплелась въ часовню.

Тутъ въ первый разъ мнѣ кинулось въ глаза различіе между монахами Троицко-Сергіевской лавры и Соловецкаго монастыря. Когда я ѣздилъ въ первую, меня въ подворьѣ встрѣтилъ монахъ въ рясѣ ліонскаго бархата, съ золотою часовою цѣпочкой на груди и кольцами на рукахъ. Тутъ же всѣ попадавшіеся на встрѣчу монахи носили толстаго чернаго сукна рясы и грубые крестьянскіе сапоги.

— Что у васъ, всѣ такъ одѣваются? — спросилъ я у перваго монаха.

— Какъ это то-есть? — недоумѣвалъ тотъ.

— Да такъ, лучше не носите одежды, какъ въ другихъ монастыряхъ?

— Нѣтъ, у насъ этого не положено. Потому намъ другой одежды не требуется. Мы вѣдь больше изъ крестьянъ. Въ прочихъ обителяхъ — можетъ, дворяне есть, ну, такъ тѣ приобыкли. А намъ и то хорошо!..

Вотъ мимо проходятъ двѣ дѣвушки — богомолки. Глаза черные, темныя косы низко опускаются по спинѣ. Высокая соболья бровь оттѣняетъ загорѣлый, но красивый лобъ. Совершенно не сѣверный типъ!

— Откуда, молодка?

— А съ Пилтавской губернии!

Такъ и есть — знойный, горячій югъ!..

Вотъ какой-то мѣщанинъ, какъ оказалось потомъ, яро-

славецъ, въ сѣромъ драповомъ халатѣ, тащить на плечахъ безногаго уродка. Тоже богомольцы. А тамъ за ними, словно фонъ картины, цѣлые десятки однообразныхъ сѣрыхъ армяковъ, въ перемежку съ синими сарафанами.

— Можно осмотрѣть, гдѣ помѣщаются богомольцы?

— А пожалуйста, вотъ по той лѣсенкѣ!

Мы поднялись — и вошли. Большія, выбѣленные комнаты, съ нарами по срединѣ. Все чисто. Воздухъ свѣжъ, вентиляція устроена хорошо. Кучка богомольцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ пѣсню объ Алексѣ - Божіемъ человѣкѣ. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ густымъ храпомъ спавшаго на парахъ судорабочаго. Въ другой комнатѣ — были женщины. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ, ветхія деньми старушонки съ утиными пессами, рѣзко выдѣлывшимися на съжившихся въ кулачекъ личикахъ, перекорялись одна съ другою изъ-за какого-то калача. Старая бѣдняга-чиновница гордо сидѣла въ углу одна, не смѣшиваясь съ чернью. Побывавшая во всѣхъ городахъ и, разумѣется, во всѣхъ острогахъ, странница разсказывала о пупѣ земномъ, лично видѣнномъ ею въ Ерусалимъ-Голгофъ-Гефсиманской, объ огнѣ, исходящемъ изъ внутренняго нутра Печорскихъ святителей, о стрѣлѣ, язвящей, но не пронзающей, о разныхъ пророческихъ явленіяхъ, о живомъ двуглавомъ орлѣ, находящемся, будто бы, въ золотой клѣткѣ, въ царскомъ дворцѣ въ Питерѣ; о стоглавѣ-змѣѣ, чуть было не пожравшемъ ее, потому что она, отправляясь въ Ерусалимъ-Голгофъ-Гефсиманскую, помыслила о земномъ — о кофіѣ, тутъ-же откровенно признавалась она.

— Какъ же ты, матушка, — водой, чать, ѣхала въ святія мѣста?

— Въ Ерусалимъ-Голгофъ?

— Да.

— Все по сущѣ... Пѣшечкомъ все, на этпхъ самыхъ поженькахъ, родная!

— А моря не встрѣчала?

— Было, признаться, одно море, гдѣ фараонъ съ воинствомъ на колесницѣхъ—потопъ. Однаже, какъ мы подошли, такъ оно сейчасъ и отхлынуло. Мы по бѣлому, бѣлому песочку, съ золотыми и брульянтовыми камнями, такъ и прошли. Какъ на бережокъ вышли—вода опять сошлась. Чудо!.. И сколько чудесъ этихъ—не перечесть. И все—чудеса разные. Въ одномъ мѣстѣ водой дѣвствуетъ, въ другой—огнемъ, а въ третьемъ—ароматомъ на тебя пушаетъ... Да, сподобилась я, грѣшная, за мое сиротство горькое, да за добродѣтель мою. Смирение—великое дѣло передъ Господомъ!

Мы вышли отсюда.

Нужно было справиться о цѣнѣ переѣзда въ Соловки, на пароходахъ этого монастыря.

Въ конторѣ подворья намъ дали билеты на каюты I класса.

Каютка перваго класса, на 4-хъ человѣкъ, стоитъ въ Соловки и обратно 12 р., втораго класса 8 р., мѣсто въ общей каютѣ перваго класса (въ два конца за все) — 6 р., во второмъ — 4 р., третьеклассныя мѣста на палубѣ—3 руб.

У Соловецкаго монастыря есть два парохода—«Вѣра» и «Надежда».

Другое подворье помѣщается въ Соломбалѣ, у пароходной пристани; это двухъ-этажное зданіе, съ отдѣльнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщается часовня. Мы еще будемъ имѣть случай разсмотрѣть его. Третье подворье находится въ Сумскомъ Посадѣ, Кемскаго уѣзда. Было еще четвертое, въ г. Вологдѣ, но оно уже давно продано частному лицу.

Выходя изъ воротъ Соловецкаго подворья, мы случайно увидѣли подъ самой крышей, въ выходящихъ на дворъ стѣнахъ его, маленькія окошечки. Оказалось, что практичныя монахи устроили тамъ маленькія комнатки, которыя и сдаются въ наемъ разнымъ чиновникамъ мелкаго ранга. Тутъ ютится благородная и высокоблагородная нищета. Тутъ гнѣздится бѣдный людъ, утѣшающій себя тѣмъ, что

умереть въ Соловецкомъ подворьѣ, все равно, что умереть въ самомъ монастырѣ. Значить, все поближе къ царствію небесному.

— Много-ль у васъ богомольцевъ скопляется одновременно?—спросилъ я, уже выйдя изъ подворья, у подвѣннушагося мнѣ монаха.

— Человѣкъ по 900 бываетъ!

— И все крестьяне?

— Крестьяне!

— Изъ какихъ больше губерній?

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, да почти со всей Россіи идутъ сюда. Какъ начнется судоходство, народъ и валить. Теперь еще потонуло. Все же въ годъ тысячъ двадцать пять перебиваетъ, до тридцати доходить... Вы тоже къ намъ?

— Да.

— Поѣзжайте; есть, гдѣ помѣститься. У насъ мѣста святыя! Аѳонъ Русскій—наши Соловки!

И такъ, въ Русскій Аѳонъ!

Пароходъ «Вѣра».

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ неподвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльные лица сливались въ одну массу и, наконецъ, исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи, о приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро - добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто-великорусскихъ фizioномій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ клобукахъ, точно и быстро исполнявшихъ распоряженія своего капитана — небольшого, худощавого инока, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно

было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновеніе, она ринулась въ недостижимую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человекъ.

Это — прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безпѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самаго края кормы на кругъ свернутого каната и невольно заглядѣлись на широко разстилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-сѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ, словно въ воздухѣ, висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ. Песчаные промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блестящія щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.